

Лебедев А. П. Взгляд графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь Церкви Божией: (Из университетских лекций по истории Церкви): [По поводу его книги «Разрушение ада и его восстановление»] // Богословский вестник 1903. Т. 2. № 11. С. 394—417 (2-я пагин.). (Начало.)

Взглядъ графа Л. Н. Толстого на историческую жизнь церкви Божіей.

(Изъ университетскихъ лекцій по Исторіи Церкви).

„Первая отличительная черта добраго и мудраго человѣка заключается въ сознаніи, что онъ знаетъ очень мало, при чемъ онъ всегда желаетъ узнать, научиться, а не учить“ (Дж. Рёскимъ). См. *Мысли мудрыхъ людей на каждый день, собранныя гр. Л. Н. Толстымъ* (на 8 сентября). М. 1903.

„Лишь чужими глазами можно видѣть свои недостатки“ (Китайская пословица). Тамъ же (на 16 ноября) ¹⁾.

Вести полемику съ графомъ Л. Н. Толстымъ по поводу его сочиненій, изслѣдующихъ или касающихся религіоз-

---

¹⁾ Лекціи эти въ сентябрь 1903 года прочтены были въ московскомъ университетѣ новому курсу слушателей исторіи церкви и начинались слѣдующими словами.

„Не секретъ, конечно, мм. гг., что церковная исторія въ нашихъ университетахъ не принадлежитъ къ числу процвѣтающихъ и любимыхъ наукъ. Почему же? Это зависитъ больше всего отъ самой постановки этой науки здѣсь. Роднымъ домомъ церковной исторіи служатъ духовныя академіи, а въ университетахъ она занимаетъ второстепенное и подчиненное мѣсто. Въ нашихъ университетахъ эта наука преподается лишь на спеціальныхъ курсахъ историко-филологическаго факультета и не входитъ въ составъ общихъ курсовъ факультета; по ней нѣтъ никакихъ обязательныхъ письменныхъ работъ; по ней не полагается ни экзаменовъ, ни зачетовъ: единственный экзаменъ въ государственной комиссіи происходитъ уже внѣ университета; изученіе церковной исторіи

ныхъ вопросовъ, я не считаю своей задачей, предполагая, что это дѣло должны дѣлать теоретики-богословы или экзегеты. Если же мнѣ пришло на мысль покуситься на это, то

въ университетѣ, хотя бы оно и было очень усдѣшнымъ, не даетъ студенту права быть преподавателемъ ея въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, мало того: не даетъ права сдѣлаться не только профессоромъ этой науки въ университетѣ, но даже и зачислиться въ разрядъ приват-доцентовъ (по церковной исторіи, по установившемуся обычаю, не дозволяется держать магистерскаго экзамена въ университетѣ и приобретать здѣсь ученныя степени). Ожидаемый новый уставъ русскихъ университетовъ не обѣщаетъ никакихъ измѣненій въ положеніи нашей науки. Я не думаю, чтобы это сколько нибудь печалило студентовъ историческаго отдѣленія факультета, но я лишь отмѣчаю фактъ и не забочусь о чувствахъ...

Я однакожъ не хочу скрывать, что ни одна лишь постановка церковно-исторической науки въ университетахъ неблагопріятно отзывается на успѣхахъ ея. Есть еще одно условіе, которое создаетъ равнодушное и холодное отношеніе къ ней молодежи, мало того: даже скептическое и пожалуй непріязненное. У насъ въ Россіи народилось направление, которое очень не двусмысленно старается вкоренить убѣжденіе, что наши церковники и вообще люди, говорящіе о церкви въ положительномъ, а не отрицательномъ смыслѣ,—лица не высокой нравственной пробы, будто бы руководяціяся лицемѣріемъ и своекорыстіемъ и чуть ли не обманщики. Такого направленія держится существующее въ Петербургѣ т. н. религіозно-философское общество, издающее въ этомъ духѣ и журналъ, съ г. Мережковскимъ, Розоновымъ и другими писателями во главѣ. Но еще болѣе вражды ко всему церковному распространяетъ и вѣдываетъ въ нашемъ обществѣ нашъ знаменитый писатель графъ Л. Н. Толстой, уже много лѣтъ смѣнившій перо романиста на перо религіознаго учителя. Проводимыя имъ воззрѣнія имѣютъ рѣзкую печать антицерковности и доходятъ иногда до прямаго атензма. Въ наше время большинство молодежи и церкви произносятъ свои сужденія лишь съ голоса Толстого.

Но я упомянулъ о т. н. религіозно-философскомъ обществѣ и противοцерковной миссіи графа Толстого вовсе не за тѣмъ, чтобы вступать въ полемику съ міровоззрѣніемъ названнаго общества (это и помимо насъ дѣлалось и дѣлается); и не за тѣмъ, чтобы помѣриться силами съ Толстымъ и подвергнуть его суду за его безпримѣрную рѣзкость сужденій по вопросамъ религіи. О Толстомъ я уже потому не берусь говорить съ достодолжной обстоятельностью, что я никогда не имѣлъ желанія изучать его безконечныя сочиненія, написанныя имъ въ роли религіознаго учителя и имѣющія, по условіямъ нашей цензуры, — подпольный характеръ". Слѣдуетъ еще замѣтить, что послѣднія страницы нашей работы, касающіяся нѣкоторыхъ нравственныхъ явленій ближайшаго къ намъ и настоящаго времени, возникли при особлнвыхъ обстоятельствахъ, не имѣющихъ отношенія къ университетской аудиторіи.

во всякомъ случаѣ подобное занятіе ново для меня и представляет собой скромную задачу. Я намѣренъ сдѣлать нѣсколько критическихъ замѣчаній по поводу одного недавно явившагося произведенія Толстого, случайно попавшаго въ мои руки. Оно показалось мнѣ характеристическимъ потому, что именно подобнаго-то рода сочиненія, какъ вышедшія изъ-подъ пера знаменитости, могутъ больше чѣмъ что другое порождать и воспитывать скептическое отношеніе среди нашихъ интеллигентныхъ кружковъ къ такой наукѣ, какъ исторія христіанской церкви. Это сочиненіе тѣмъ болѣе привлекло къ себѣ мое вниманіе, что оно заключаетъ въ себѣ ясно выраженный взглядъ Толстого на историческую жизнь церкви, т. е. очень прямо касается церковной исторіи.

Разсматриваемое сочиненіе ходитъ по рукамъ въ видѣ литографированныхъ листовъ¹⁾ и носить съ перваго взгляда странное заглавіе: „Разрушеніе ада и его возстановленіе“. (Названіе это само собой уяснится впоследствии). Произведеніе, хотя и не велико, но однако касается разныхъ вопросовъ; мы же ради поставленной нами задачи выберемъ изъ него только то, что близко относится къ нашему дѣлу. Въ немъ въ качествѣ дѣйствующихъ лицъ фигурируютъ исключительно... черти, какъ это требуется самымъ понятіемъ ада. Черти, очень различные по своей наружности и профессіямъ, имъ свойственнымъ, произносятъ монологи, ведутъ между собой бесѣды—этимъ и ограничивается со внѣшней стороны содержаніе произведенія Толстого. Само по себѣ понятно, что авторъ въ адѣ не вѣритъ и бытія дьяволовъ не признаетъ. Для Толстого все это метафоры и символы: адъ и рай, разрушеніе и возстановленіе ада, безчисленные черти, дьяволы въ пелеринкахъ и въ мантияхъ, и самъ владыка злыхъ духовъ—Вельзевулъ!

Но обращаемся къ передачѣ тѣхъ мѣстъ сочиненія Толстого, которыя имѣютъ особенный интересъ для нашей задачи. Приведемъ ихъ буквально, чтобы имѣть ихъ предъ глазами во всей точности.

„Дьяволы были большіе и маленькіе, говоритъ Толстой, и толстые и худые, и съ длинными и короткими хвостами, и острыми и кривыми рогами“.

¹⁾ Въ настоящее время оно уже напечатано въ видѣ брошюры, изданою издавнкой.

„Одинъ изъ дьяволовъ въ накинутой на плечахъ пелеринкѣ, весь голый и глянцевито-черный, съ круглымъ безбородымъ лицомъ и огромнымъ животомъ сидѣлъ на короткахъ, и то закатывая свои огненные глаза, то опять выкатывая, не переставалъ улыбаться, равномерно, изъ стороны въ сторону, помахивая длиннымъ тонкимъ хвостомъ“. Дьяволъ у автора представленъ одѣтымъ въ пелеринку и бритымъ очевидно для того, чтобы сдѣлать его похожимъ на католическое духовное лицо—на кардинала или даже папу, такъ какъ этотъ дьяволъ, какъ увидимъ потомъ, является, по мысли автора, главнымъ распорядителемъ церковными дѣлами въ исторіи.

— „Что значить этотъ шумъ?“ (т. е., поясню я, шумъ въ опустѣломъ было адѣ, опустѣломъ вслѣдствіе смерти Христа и Его воскресенія, прибавилъ бы я, если бы Толстой допускалъ этотъ послѣдній (фактъ), сказалъ Вельзевуль, указывая на верхъ“. (Онъ самъ, Вельзевуль, по представленію автора, находился въ преисподней, т. е. гдѣ-то подъ адомъ, и былъ въ самомъ дурномъ расположеніи духа, такъ какъ послѣ побѣды Христа надъ смертію и адомъ, онъ оставался не у дѣлъ, сидѣлъ безъ всякаго живого дѣла).

На его вопросъ: „что значить этотъ шумъ“, обезпкоенный Вельзевуль получаетъ такой отвѣтъ.

— „Все тоже, что было всегда“, отвѣчалъ глянцевитый дьяволъ въ пелеринкѣ.

— „Да развѣ есть грѣшники?“ спросилъ Вельзевуль.

— „Много“, отвѣчалъ глянцевитый.

— „А какъ же ученіе Того, Кого я не хочу называть?“ спросилъ Вельзевуль.

„Дьяволъ въ пелеринкѣ ослабилъ такъ, что открылись его острые зубы и между всѣми дьяволами послышался сдержанный хохотъ“ (т. е. они не болѣе, какъ слегка хихикали, конечно, изъ почтительности къ своему начальству).

— „Я передѣлалъ это ученіе“, сказалъ дьяволъ въ пелеринкѣ, быстро трепля хвостомъ по полу.

И затѣмъ онъ разсказалъ, какъ это произошло. „Когда случилось то страшное дѣло, что адъ былъ разрушенъ и отецъ и повелитель нашъ (т. е., конечно, Вельзевуль) удалился отъ насъ (т. е. засѣлъ съ горя въ преисподнюю), то я пошелъ въ тѣ мѣста, гдѣ проповѣдовалось то самое уче-

ніе, которое чуть было не погубило насъ. Мнѣ хотѣлось увидать, какъ живутъ люди, исполнявшіе его. И я увидаль, что люди, жившіе по этому ученію, были совершенно счастливы и недоступны намъ. Они не сердились другъ на друга, не предавались жѣнской прелести, или не женились, или женившись, имѣли одну жену; не имѣли имущества; все считали общимъ, не защищались отъ нападающихъ и платили добромъ за зло. И жизнь ихъ была такъ хороша, что другіе все болѣе и болѣе привлекались къ нимъ. Увидавъ это, я подумаль, что все пропало, и хотѣлъ было уходить. Но тутъ случилось обстоятельство, само по себѣ ничтожное, но оно мнѣ показалось заслуживающимъ вниманія, и я остался. Случилось то, что между этими людьми одни считали, что всѣмъ надо обрѣзываться и не надо ѣсть идоложертвенное, а другіе считали, что этого не нужно и что можно не обрѣзываться и ѣсть все. И я сталъ внушать тѣмъ и другимъ, что разногласіе это очень важно и что ни той, ни другой сторонѣ нельзя уступать, такъ какъ дѣло касается служенія Богу. И они повѣрили мнѣ, и споры ожесточились. И тѣ, и другіе стали сердиться другъ на друга, и тогда я сталъ внушать тѣмъ и другимъ, что они могутъ доказывать истинность своего ученія чудесами. Они повѣрили мнѣ, и я устроилъ имъ чудеса. Устроить это было не трудно. Они всему вѣрили, что подтверждало ихъ желаніе однимъ быть въ истинѣ. Одни говорили про другіихъ: чудеса ваши не настоящія, наши же—настоящія, а тѣ говорили про этихъ: вѣтъ, ваши не настоящія, а наши—настоящія. Дѣло шло хорошо, но я боялся, чтобы они не увидали слишкомъ очевиднаго обмана, и тогда я выдумаль *церковь* (курсивъ нашъ). И когда они повѣрили въ *церковь*, я—говорить дьяволъ въ пелеринкѣ — успокоился, я понялъ, что мы спасены“.

Послѣ этого тотъ же дьяволъ разъяснилъ своимъ слушателямъ, что такое *церковь*.

„А *церковь* это то,—ораторствовалъ онъ предъ аудиторіей, достойной того имени, какое приписываетъ ей авторъ,—„то, что когда люди лгутъ и чувствуютъ, что имъ не вѣрятъ,—ссылаясь на Бога, говорятъ: „ей Богу, правда то, что я говорю“. Это собственно и есть *церковь*, но только съ тою особенностію, что люди, признавшіе себя *церковію*, увѣ-

ряютъ, что они не могутъ заблуждаться, и потому, какую бы глупость они ни сказали, уже не могутъ отъ нея отречься. Дѣлается же церковь такъ: люди увѣряютъ себя и другихъ, что Учитель ихъ—Богъ, во избѣжаніе того, чтобы открытій Имъ (т. е. Учителемъ) законъ не былъ перетолкованъ, избралъ особенныхъ людей, которые одни или тѣ, кому они передадутъ эту власть, могутъ правильно толковать ученіе. Выгода этого пріема (пояснимъ: для царства діавола) та, что какъ скоро люди сказали про себя, что они—церковь и на этомъ утвержденіи построили свое ученіе, то они не могутъ уже отречься отъ того, что сказали: какъ бы нелѣпо ни было сказанное и чтобы (тамъ) ни говорили другіе люди“.

„Получивши же эту власть, они естественно возгордились и большею частію развратились и тѣмъ вызвали противъ себя негодованіе и вражду людей. Для борьбы же съ своими врагами, они не имѣя другого оружія, кромѣ насилія, стали гнать, казнить, жечь всѣхъ тѣхъ, кто не признавалъ ихъ власти. Такъ что они самымъ своимъ положеніемъ были поставлены въ необходимость перетолковывать ученіе (Христово) въ томъ смыслѣ, чтобы оно оправдывало и ихъ дурную жизнь, и ихъ жестокости, которыя они употребляли противъ своихъ враговъ. Они такъ и сдѣлали“.

Вельзевулъ затѣмъ спрашиваетъ другого дьявола, одѣтаго въ мантию. (Это былъ, по описанію автора, матово-черный дьяволъ, съ плоскимъ покатымъ лбомъ, безмускульными членами и съ оттопыренными большими ушами). Описываемый авторомъ дьяволъ есть, по смыслу Толстого, руководитель науки, т. е. какъ бы министръ народнаго просвѣщенія въ христіанскомъ мірѣ: поэтому-то онъ является облеченнымъ въ мантию, ибо мантия, т. н. докторская мантия, составляетъ принадлежность профессоровъ въ западныхъ университетахъ, которою они пользуются въ торжественныхъ случаяхъ).

— „Но какъ же, спрашиваетъ Вельзевулъ этого дьявола, свободные отъ обмана ученые люди (въ этихъ словахъ, замѣтимъ, ясно звучитъ иронія) не увидѣли того, что церковь извратила ученіе и не возстановила его“?

Дьяволъ въ мантии отвѣтилъ: „Не могутъ они сдѣлать этого оттого, что я постоянно отвлекаю ихъ вниманіе отъ того, что они могутъ и что имъ нужно знать, и направ-

ляю его на то, что имъ не нужно знать, и чего они никогда не узнаютъ“.

— „Какъ же ты дѣлаешь это“?

— „Дѣлалъ и дѣлаю это я различно по времени. Въ старину я внушалъ людямъ, что самое важное для нихъ это—знать подробности объ отношеніи между собою лицъ Троицы, о происхожденіи Христа, о естествахъ Его, о свойствахъ Бога (?) и т. п. И эти разсужденія такъ занимали ихъ, что они вовсе не думали о томъ, какъ имъ жить; имъ не нужно было знать того, что говорилъ Учитель о жизни (?).

— Потомъ когда они такъ запутались въ ихъ разсужденіяхъ, что сами перестали понимать то, о чемъ говорили, я внушалъ однимъ, что самое важное для нихъ—это изучить и разъяснить все то, что писалъ человекъ, по имени Аристотель, умершій 1000 (?) лѣтъ тому назадъ въ Греціи“.

Вотъ тѣ мѣста изъ разсматриваемаго сочиненія Толстого, которыя преимущественно могутъ насъ интересовать. На сочиненіи помѣчена дата его происхожденія: 1902 годъ.

Это новое произведеніе Толстого, сколько знаемъ, еще никѣмъ не было разобрано, попытаемся сдѣлать это, то есть разобратъ въ этой своего рода философіи церковной исторіи.

I.

„Разрушеніе ада“, по мысли автора, выразилось въ томъ, что, вслѣдствіе явленія и дѣятельности Христа, Его ученики и послѣдователи стали вести высоко- нравственную жизнь и этимъ положили конецъ тому „аду“, какой представляла до этого времени жизнь человѣческая съ ея несправедливостію и жестокостію. Разумѣется, мы можемъ только радостно привѣтствовать такой взглядъ знаменитаго писателя на состояніе первенствующихъ христіанъ. Первенствующие христіане, дѣйствительно, въ большой мѣрѣ отражали въ своей жизни возвышенныя заповѣди Христа. Таковымъ былъ въ особенности первый вѣкъ христіанства, апостольскій вѣкъ. Одинъ русскій очень извѣстный ученый церковный историкъ называетъ вѣкъ апостольскій „свѣтоноснымъ вѣкомъ церкви“ и не находитъ достаточно словъ, чтобы восхвалить добродѣтели этого вѣка: онѣ ему одинаково кажутся „славными, возвышенными и божественными“.

И это правда. Въ самомъ дѣлѣ, если послушаемъ апостола Павла, древнѣйшаго изъ христіанскихъ писателей, точнѣе сказать перваго по времени между всѣми ними, то убѣдимся, что не напрасно восхваляль первенствующихъ христіанъ графъ Толстой. Позволимъ себѣ привести нѣсколько отзвовъ апостола Павла о христіанахъ его времени, встрѣчающихся въ такихъ посланіяхъ его, которыя признаются подлинными посланіями этого апостола даже самой придирчивой западной протестантской критикою и которыя признаетъ за такія и Толстой, если не захочетъ утверждать, что всѣ существующія посланія, носящія имя Павла, подложны. Прежде всего приведемъ отзвы названнаго апостола о такихъ церквахъ, или, примѣняясь къ языку Толстого, о такихъ христіанскихъ общинахъ, которыя основаны и утверждены были въ вѣрѣ самимъ этимъ миссіонеромъ. Вотъ, на примѣръ, какъ характеризуетъ онъ христіанъ города Коринѳа. „Вы не имѣете недостатка, пишетъ Павелъ, ни въ какомъ дарованіи (1 Кор. 1, 7); вы изобилуете всѣмъ: вѣрою, и словомъ, и познаніемъ, и всякимъ усердіемъ и любовію вашею къ намъ“ (2 Кор. 8, 7). По причинамъ, которыя уяснятся нѣсколько послѣ, еще опредѣленнѣе и задушевноѣе отзывается Павелъ о христіанахъ прежде всего—Ѳессалоники (теперь: Солоники). Онъ говоритъ о нихъ: „вы стали образцомъ для всѣхъ вѣрующихъ въ Македоніи и Ахаіи; во всякомъ мѣстѣ прошла слава о вашей вѣрѣ, такъ что намъ, прибавляетъ апостоль, ни о чемъ не нужно рассказывать“ (1 Ѳессал. 1, 7—8). И при другомъ случаѣ Павелъ спрашиваетъ себя: „кто наша надежда, или радость, или вѣнецъ похвалы? Не вы ли (т. е. Ѳессалоникійскіе христіане) предъ Господомъ нашимъ І. Христомъ“? И отвѣчаетъ: „вы наша слава и радость“ (—2, 19—20). Но по замѣчанію одного русскаго ученаго историка, „никто такъ, кажется, не веселилъ сердца Павлова, какъ христіанская община Филиппійская“ ¹⁾, т. е. находящаяся въ македонскомъ городѣ Филиппахъ. Павелъ патетически писалъ объ этихъ христіанахъ: „за всѣхъ васъ съ радостію приношу молитву мою, братія мои возлюбленные и вождельные, радость и

¹⁾ *Протоіер. (проф.) А. В. Горскаго.* Исторія церкви апостольской. Прибав. къ твор. св. отц. Т. 31 (1883), стр. 407.

вѣнецъ мой“,—такъ онъ называетъ ихъ; онъ ставитъ въ примѣръ всѣмъ ихъ кротость, т. е. ихъ истинно-христіанскій духъ: „кротость ваша, пишетъ онъ, да будетъ извѣстна всѣмъ человѣкамъ“ (Филип. 1, 4; 4, 1. 5). Не менѣ лестные и задушевные отзывы Павелъ позволяетъ себѣ дѣлать и о такихъ христіанскихъ общинахъ, которыя хотя и не имъ были обращены ко Христу, но о состояніи которыхъ онъ, очевидно, хорошо зналъ. Вотъ, на примѣръ, что онъ говоритъ, обращаясь съ посланіемъ къ христіанамъ малоизвѣстнаго азійскаго города Колоссы. „Духомъ я нахожусь съ вами и радуюсь, видя ваше благоустройство и твердость вѣры вашей“; единственное желаніе апостола заключается въ томъ, чтобы и въ будущемъ колоссяне такъ же „преуспѣвали“, какъ было и ранѣе (Кол. 2, 5. 7). Наконецъ, представимъ еще свидѣтельство Павла изъ посланія къ римлянамъ, которые, впрочемъ, не имъ были обращены въ христіанство (да вообще неизвѣстно—къмъ). Апостоль отъ всего сердца радуется за христіанскую общину въ Римѣ и ожидаетъ отъ нея истиннаго утѣшенія для себя, при предполагаемомъ имъ посѣщеніи ея. Павелъ пишетъ: „благодарю Бога моего за всѣхъ васъ, что вѣра ваша возвѣщается во всемъ мірѣ. Я весьма желаю увидѣть васъ, утѣшиться съ вами общею вѣрою, вашею и моею“ (Рим. 1, 8. 12). Нужно сказать, что словомъ „вѣра“ апостоль какъ въ этомъ, такъ и другихъ мѣстахъ, называетъ не одно принятіе христіанскаго ученія, но вообще совокупность совершенствъ, которыми должны отличаться послѣдователи новой, съ тогдашней точки зрѣнія, религіи.

Да, безъ сомнѣнія, вѣкъ апостольскій никогда не потеряетъ своей славы; въ этомъ отношеніи вполне можно соглашаться съ графомъ Толстымъ. Но мы не должны слишкомъ увлекаться похвалами его по адресу первенствующихъ христіанъ; эти похвалы, какъ ни пріятно слышать ихъ изъ устъ противника церкви, какимъ откровенно и намѣренно заявляетъ себя авторъ разбираемаго сочиненія, не должны прельщать насъ: онъ имѣютъ цѣлю ввести насъ въ обманъ. Похвалы эти, скажу прямо, тенденціозны. Автору только и нужно, чтобы мы вполне ему повѣрили въ данномъ случаѣ; а если мы ему повѣримъ, то онъ достигъ того, что ему пока только и надобно. Смѣю утверждать, что авторъ рас-

точаетъ похвалы первенствующему христіанству для того только, чтобы поразить читателя, какъ потомъ все это будто бы измѣнилось къ худшему, какъ потомъ исказились нравы и понятія христіанъ, и такимъ образомъ возвѣстить ту истину, что если было нѣкогда „разрушеніе ада“, т. е. наступала эпоха прекращенія всякой несправедливости и всякой жестокости, то все такое тянулось недолго, имѣло переходящее значеніе, ибо вслѣдъ за тѣмъ въ христіанскомъ же мірѣ послѣдовало „возстановленіе ада“, т. е. возвращеніе къ старой неправдѣ и уже забытой было жестокости. Вотъ въ чемъ хочетъ убѣдить своего читателя графъ Толстой, обольщая его идиллической картиной абсолютныхъ совершенствъ первенствующихъ христіанъ.

Въ виду этого, наша ближайшая задача заключается въ томъ, чтобы ограничить ту идеализацію апостольскаго вѣка, какую съ тенденціозною цѣлію допускаетъ себѣ Толстой. Это, конечно, мы сдѣлаемъ не съ тѣмъ, чтобы повредить славѣ этого вѣка, а съ тѣмъ, чтобы вырвать изъ рукъ разбираемаго автора оружіе, которымъ онъ хочетъ поразить своихъ враговъ, т. е. тѣхъ кто вѣруетъ, что „адъ“ никогда въ церкви не возстановлялся, и что сама она, слѣдовательно, не превращалась въ „адъ“, какъ желалось бы знаменитому писателю. Мы будемъ говорить о первенствующемъ христіанствѣ только одну истину, т. е. станемъ сообщать свѣдѣнія непрерываемой точности, а потому первенствующее христіанство не потерпитъ никакого ущерба отъ нашихъ дальнѣйшихъ разъясненій, ибо христіанство есть первый поборникъ истины и не только не боится, но ищетъ ея. Нужно ли добавлять, что нашъ источникъ знаній въ настоящемъ случаѣ заключенъ въ Новозавѣтномъ Писаніи, которое христіане не безъ основанія почитаютъ источникомъ истины не только религіозной, но и исторической въ точномъ смыслѣ этого послѣдняго слова? Впрочемъ—къ чему эти подробности: каждый самъ можетъ критически и очень легко провѣрить любое изъ тѣхъ положеній, которыя затѣмъ послѣдуютъ.

Итакъ, къ дѣлу. Рисуя времена первохристіанскія, Толстой, повидимому, съ такимъ безпристрастіемъ говоритъ о христіанахъ этихъ временъ: „они не сердились другъ на друга“. Но эти сладкія слова говорятся только за тѣмъ, чтобы намекнуть читателю, что если молъ въ началѣ „они и не

сердились“, то однакожь, увы, какъ стали сердиться одинъ на другого тѣже христіане, спустя извѣстный періодъ времени, и стали полагать въ подобной злобѣ сущность самой религіи.

Спрашивается: возможно ли вообще человѣку не сердиться на другого? Пока человѣкъ остается человѣкомъ допустить это невозможно. Не сердиться человѣку на человѣка, хотя бы при извѣстныхъ обстоятельствахъ, это—психологическій абсурдъ.

Въ вѣкъ апостольскій жили люди, слѣдовательно, и они подчинены были тому же закону. И нѣтъ ничего проще, какъ доказать это. Возьмемъ, на примѣръ, хоть жизнь апостола Павла, о которой до насъ сохранилось наиболѣе подробныхъ и достовѣрныхъ извѣстій. Что же видимъ? То, чего и можно только ожидать, имѣя дѣло съ людьми по плоти и крови. Вотъ рассказъ изъ книги „Дѣяній“, относящійся къ эпохѣ тотчасъ послѣ т. н. апостольскаго собора. „Павель и Варнава (тоже апостолъ) жили въ Антиохіи. По нѣкоторомъ времени Павель сказалъ Варнавѣ: пойдемъ опять, посѣтимъ братьевъ нашихъ по всѣмъ городамъ, въ которыхъ мы проповѣдали слово Господне. Варнава хотѣлъ взять съ собою Марка (извѣстнаго евангелиста). Но Павель полагалъ не брать отставшаго отъ нихъ въ Памфиліи и не шедшаго съ ними на дѣло, на которое они были посланы. Отсюда произошло огорченіе (или по славянскому: „распря“), замѣчаетъ авторъ книги „Дѣяній“, такъ что они разлучились другъ съ другомъ, и Варнава, взявъ Марка, отплылъ на о. Кипръ“ (15, 35—39). Скажите: сердился или не сердился Павель на Марка, когда этотъ послѣдній въ прежнее время отказался идти съ первымъ на проповѣдь? Сердился или не сердился онъ, когда отказалъ Варнавѣ въ его просьбѣ взять теперь Марка для совмѣстнаго миссіонерскаго путешествія? Или: какъ относился и Варнава къ Павлу, когда онъ прервалъ сношенія съ этимъ послѣднимъ? Если между указанными тремя лицами, по выраженію автора книги „Дѣяній“, произошла „распря“, то вѣроятно ли, чтобы при этомъ дѣло обошлось безъ болѣе или менѣе сильныхъ душевныхъ движеній? Возьмемъ другой случай изъ жизни тогоже Павла, служащій до сихъ поръ камнемъ преткновенія и соблазна для комментаторовъ. Случай этотъ, хоть и

очень кратко, описанъ самимъ Павломъ и единственно имъ. Дѣло опять происходило въ Антиохіи и повидимому спустя немного времени послѣ т. н. апостольскаго собора. Въ то время, когда въ этомъ городѣ находился Павелъ (а съ нимъ и Варнава), сюда же съ неизвѣстною цѣлю прибылъ и апостольскій Петрѣ. Зная, что Павелъ былъ приверженцомъ евангельской свободы и противникомъ іудейскихъ обрядовыхъ законовъ, Петрѣ, когда ему приходилось бывать здѣсь въ домахъ язычниковъ, ни мало не стѣсняясь, во время трапезы ѣлъ изъ общихъ чашъ съ ними. (А это съ точки зрѣнія фарисейской праведности являлось дѣломъ крайне зазорнымъ). Все шло хорошо. Но вотъ прибыли изъ Іерусалима въ Антиохію же какія-то приближенныя къ Іакову, брату Господню, лица; подъ вліяніемъ ли воззрѣній и образа дѣйствій этого Іакова, или же руководясь собственнымъ личнымъ разумѣніемъ, эти пришельцы стали косо поглядывать на общеніе Петра съ необрѣзанными. Къ нашему немалому удивленію, первоверховный апостольскій Петрѣ пришелъ въ смущеніе отъ этихъ пришельцевъ, пересталъ обѣдать вмѣстѣ съ язычниками ¹⁾; его примѣру послѣдовалъ и Варнава. Все это возбудило неудовольствіе въ душѣ Павла. Онъ не могъ перенести этого „лицемѣрія“, какъ онъ выражается, и рѣшился обличить Петра, что и исполнилъ. „Я—говоритъ о себѣ Павелъ, лично противостоялъ ему, потому что онъ подвергся нареканію“ (по славянскому переводу „яко зазоренъ бѣ“). И это произошло, по замѣчанію Павла, „при всѣхъ“, значить не келейно, съ глазу на глазъ, а совершенно публично (Гал. 2, 11—14). Рассказывая объ этомъ случаѣ, Павелъ затѣмъ приводитъ и тѣ мысли, какія онъ развивалъ, подвергая своему суду поведеніе Петра. Спрашивается: могли ли себѣ представить, чтобы изобличая, какъ онъ выражается, „не прямо поступающихъ по истинѣ евангельской“, онъ не возмущался духомъ ²⁾? Это событіе рассказано Павломъ въ его посланіи къ Галатамъ, т. е. христіанамъ, жившимъ въ Малоазійской провинціи—Галатіи. Посланіе написано спу-

¹⁾ Можетъ быть подъ вліяніемъ того, что раньше было съ нимъ въ Іерусалимѣ („Дѣян.“ 11, 2—4).

²⁾ Безъ сомнѣнія, (хотя Павелъ и не говоритъ объ этомъ), не молчалъ и Петрѣ, а спорилъ, а въ спорѣ—дѣло возможное—и горячился.

стя не менѣе года послѣ разсказаннаго событія или же спустя цѣлыхъ три года (если фактъ столкновенія двухъ апостоловъ случился раньше апостольскаго собора), а самое повѣствованіе введено въ посланіе съ цѣлію отвратить Галатовъ отъ привязанности къ закону іудейскому, которою они по какой-то причинѣ увлекались, не смотря на то, что первоначальную проповѣдь евангельскую они воспріяли отъ самого Павла. И что же? Хотя между разсказаннымъ событіемъ и написаніемъ посланія прошло немало времени, однакожь Павелъ, когда онъ писалъ это посланіе и когда ему такъ сказать снова пришлось пережить сердцемъ ту же исторію, замѣтно волнуется: передавъ въ посланіи случай, какъ онъ произошелъ, онъ сейчасъ восклицаетъ: „о несмысленные Галаты!“ (3, 1). Очевидно, и съ теченіемъ времени Павелъ не могъ хладнокровно вспоминать о томъ, что случилось, хотя то было и давно. Есть историки, которые утверждаютъ, что послѣ этого столкновенія Павелъ и Петръ окончательно разошлись другъ съ другомъ и даже не встрѣчались. Положимъ это—ужь крайность; но важно то, что крайность эту возможно допускать: значить, для иного изслѣдователя жизни апостоловъ данный случай представляется ссорой Павла съ Петромъ въ буквальномъ смыслѣ слова. Къ сожалѣнію, въ устраненіе этой крайности нельзя опираться, какъ это иногда дѣлаютъ, на фактъ совмѣстной и одновременной мученической кончины этихъ апостоловъ, ибо отнюдь нельзя доказать, что Павелъ и Петръ впослѣдствіи одновременно жили въ Римѣ и тамъ скончались въ одинъ и тотъ же годъ и даже въ одинъ и тотъ же день. Преданіе о пребываніи Петра въ Римѣ принадлежитъ, при существующихъ историческихъ данныхъ, къ темнѣйшимъ вопросамъ апостольскаго вѣка ¹⁾.

Итакъ, мы видимъ, что будетъ преувеличеніемъ, подобно графу Толстому, утверждать, что первенствующіе христіане тѣмъ будто бы отличались отъ христіанъ другихъ вѣковъ, что совсѣмъ „не сердились другъ на друга“. Въ первенствующихъ христіанскихъ обществахъ, безъ сомнѣнія, было много привлекательнаго и поучительнаго для послѣдующихъ

¹⁾ *Erbes*. Petrus nicht in Rom, sondern in Jerusalem gestorben. Въ *Zeitschrift für Kirchengesch.* 1901. SS. 1—47 und 161—231.

поколѣній, но тамъ не было того, чего быть не могло по самой природѣ вещей. Апостоль Павелъ въ посланіи къ римлянамъ говоритъ: „если возможно, съ своей стороны, будьте въ мирѣ со всѣми людьми“; онъ говоритъ: „если возможно“ и этимъ самымъ даетъ знать, что бываютъ случаи, когда это невозможно и когда по необходимости въ сердцѣ человѣка имѣютъ мѣсто чувства свойства не мирнаго. Затѣмъ апостоль прибавляетъ: „не мстите за себя возлюбленные“, т. е. другими словами, не выражайте активно свое оскорбленное чувство, „но дайте мѣсто гнѣву“ (12, 19), т. е. удовольствуйтесь тѣмъ, что отмщаете и наказываете врага въ своей душѣ, исключая его изъ числа своихъ друзей ¹⁾).

Но пойдемъ далѣе за графомъ Толстымъ и посмотримъ, какія еще допускаетъ онъ преувеличенія въ изображеніи первенствующаго христіанства, съ цѣлю найти потомъ глубокое несоотвѣтствіе между христіанствомъ первыхъ временъ и христіанствомъ временъ позднѣйшихъ, и тѣмъ укорить церковь этихъ послѣднихъ временъ. Онъ возвѣщаетъ: „жизнь“ первенствующихъ христіанъ „была такъ хороша, что“ и т. д. Конечно, согласимся мы, жизнь ихъ была хороша; но было бы заблужденіемъ воображать, что она не имѣла тѣней и чужда была пятенъ. Одинъ очень авторитетный русскій историкъ церкви замѣчаетъ, что жизнь христіанъ даже апостольскихъ временъ не лишена была „недостатковъ и пороковъ“, о которыхъ, по его разсужденію, умалчивать нельзя ²⁾. Да и въ самомъ дѣлѣ, какъ можно умалчивать объ этомъ, когда о несовершенствахъ разсматриваемаго вѣка, хотя они и не такъ значительны по размѣрамъ, говорятъ посланія самихъ апостоловъ и опредѣленнѣе и откровеннѣе другихъ Павелъ. Въ посланіи къ корин-

¹⁾ Въ русскомъ переводѣ посланія послѣ слова *гнѣву* прибавлено: „Божію“, въ качествѣ поясненія, такъ какъ не только въ оригиналѣ, но и въ славянскомъ переводѣ, этого слова нѣтъ (интересно указать, что въ синодальскомъ изданіи „Дѣяній и посланій“: СПб., 1874, изд. 2-ое, это слово не напечатано даже и курсивомъ, какъ вообще принято у насъ печатать въ русскомъ изданіи библии слова прибавочныя, не имѣющія соотвѣствующихъ выраженій въ оригиналѣ). Слово: *Божію* мы считаемъ здѣсь совсѣмъ неумѣстнымъ, потому что параллельнымъ мѣстомъ для стиха: 12, 19 должны служить слова Павла же: 2 Фессал. 3, 14.

²⁾ *Прот. А. В. Горскаго*. Вышецитир. сочиненіе, стр. 429.

оянамъ, напр., онъ требуетъ: „отрезвитесь, какъ должно, и не грѣшите, ибо къ стыду вашему скажу, нѣкоторые изъ васъ не знаютъ Бога“ (1 Кор. 15, 34), т. е. забываютъ Бога, хочеть сказать апостолъ. Не имѣя надобности подробно анализировать эти слова его, скажемъ одно: грѣшники во времена Павла встрѣчались. „Не грѣшите“, не даромъ предостерегаетъ онъ.

Въ частности апостолъ при различныхъ обстоятельствахъ указываетъ не мало недостатковъ въ состояніи христіанъ его времени,—недостатковъ, свидѣтельствующихъ по его словамъ, что нѣкоторые христіане оставались еще людьми „плотскими“, т. е. что они не прониклись высокими идеалами исповѣдуемой ими религіи. Христіанамъ того времени иногда недоставало согласія и единодушія. Обращая свою рѣчь къ коринѳянамъ, Павелъ говоритъ: „умоляю васъ, братія, чтобы всѣ вы говорили одно и не было между вами раздѣленій; ибо мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ о васъ, братія, что между вами есть споры“ (1 Кор. 1, 10—11). „Вы еще плотскіе, замѣчаетъ далѣе Павелъ; ибо если между вами зависть, споры и разногласія, то не плотскіе ли вы? и не по человѣческому ли (т. е. языческому) обычаю поступаете вы?“ (Тамъ же, 3, 3). Свидѣтельство апостола такъ ясно, что нѣтъ надобности его комментировать.—Во время совершенія богослуженія у христіанъ происходили безпорядки, которыя сильно смущали духъ апостоловъ. Такъ прекрасное обыкновеніе того времени поучать другъ друга религіознымъ истинамъ въ церковныхъ собраніяхъ не всегда отличалось благоустроеніемъ. Случалось, какъ указываетъ апостолъ Павелъ, или то, что такихъ добровольныхъ наставниковъ набиралось много безъ всякой надобности, или же то, что пророки (т. е. учителя вѣры) позволяли себѣ говорить всѣ разомъ. Апостолъ, обличая эти непорядки, замѣчаетъ: „Богъ не есть Богъ неустройства, но мира“ (тишины). Со стороны эти непорядки, по словамъ Павла, могли казаться какъ бы нѣкотораго рода „бѣснованіемъ“ (1 Кор. 14, 23—33).—Самое совершеніе важнѣйшаго богослужебнаго дѣйствія—евхаристіи или литургіи проходило иногда нестройно и даже прямо непохвально. Апостолъ Павелъ усматриваетъ, что совершеніе евхаристіи вмѣсто того, чтобы быть актомъ общенія вѣрующихъ, вызывало какія-то раздѣленія, приво-

дѣло къ расторженію союза между христіанами. Такъ было въ Коринѣѣ. Изобличая этихъ христіанъ, Павелъ писалъ: „не хвалю васъ, что вы собираетесь не на лучшее, а на худшее; ибо во-первыхъ слышу, что, когда вы собираетесь въ церковь, между вами бываютъ раздѣленія, чему отчасти вѣрю“ (1 Кор. 11, 17—18). Это, какъ видимъ: „во-первыхъ“. А затѣмъ, тотъ же апостоль рисуеъ картину еще болѣе печальныхъ нестроеній. „Далѣе, продолжаетъ онъ, вы собираетесь такъ, что это не значитъ вкушать вечерю Господню. Ибо всякій поспѣшаетъ прежде другихъ ѣсть свою пищу (т. е. пищу, принесенную въ качествѣ пожертвованія), такъ что иной бываетъ голоденъ (т. е. кто нѣсколько опоздаетъ), а иной упивается“ (т. е. кто приносилъ какъ жертву, кромѣ пищи, и вино). Долженъ я пояснить, что въ древности совершеніе евхаристіи соединялось съ особыми братскими трапезами, т. е. вечерами любви (агапы), и именно эти вечера предваряли евхаристію. Затѣмъ Павелъ укоризненно вопрошаетъ: „развѣ у васъ нѣтъ домовъ на то, чтобы ѣсть и пить? или пренебрегаете церковь Божию и унижаете немощныхъ? Похвалить ли васъ за это? не похваляю“ (1 Кор. 11, 20—22). Апостоль заключаетъ свою рѣчь такъ: „посему, братія мои, собираясь на вечерю, другъ друга ждите. А если кто голоденъ, пусть ѣсть дома, чтобы собираться вамъ не на осужденіе“ (—11, 33—34). Апостоль прямо сказалъ, что онъ не хвалитъ поведенія обличаемыхъ имъ въ настоящемъ случаѣ христіанъ, а мы не можемъ ничего другого дѣлать, какъ только соглашаться съ нимъ.

Въ виду того самоотреченія и неустанныхъ трудовъ, какими ознаменовали себя апостолы, можно было бы ожидать, что между ними и обращенными ими христіанами установятся отношенія полнѣйшаго довѣрія и теплой любви. Но и этого не было или точнѣе: иногда встрѣчалось не то; а виновными были, конечно, христіане. Апостоль Павелъ жалуется, что лишь только онъ оставилъ Коринѣѣ, какъ нѣкоторые уже „возгордились“, при чемъ онъ замѣчаетъ по поводу этихъ „возгордившихся“: „чего же вы хотите? Съ железомъ ли къ вамъ придти или съ любовію и духомъ кротости“ (1 Кор. 4, 18. 21)? Павелъ не разъясняетъ, въ чемъ выражалась гордость этихъ самомнительныхъ христіанъ; но можно догадываться, что къ числу ихъ принад-

лежали и тѣ дерзкіе люди изъ христіанъ, которые осмѣливались осуждать и критиковать апостола. Мы знаемъ, что въ Коринѣ встрѣчались такія лица, которыя приписывали Павлу непостоянство и неустойчивость въ его мысляхъ. Они говорили, что будто бы Павлово „да“ сводилось на „нѣтъ“ и что его „нѣтъ“ означало „да“ (2 Кор. 1, 17—18); другіе изъ коринѣскихъ гордецовъ находили несоотвѣтствіе между образомъ дѣйствій Павла и его посланіями, они пустословили такъ: „въ посланіяхъ Павелъ строгъ и силенъ, а въ личномъ присутствіи слабъ“ (2 Кор. 10, 10), другими словами, по ихъ мнѣнію, Павелъ былъ храбръ только на словахъ. Какая дерзость! Среди тѣхъ же коринѣянъ появлялись люди, которые причиняли ему „огорченія“, даже прямо были его „обидчиками“, они вселяли въ его сердце „скорби и стѣсненіе“; въ подобнаго рода явленіяхъ Павелъ готовъ былъ видѣть обнаруженіе „умысловъ сатаны“ (2 Кор. 2, 3—5. 11. Ср. 7, 12). Не менѣе печально для апостола было и то, что по легкомыслію или недовѣрію къ нему, иные изъ христіанъ, бывшихъ его чадами, переходили, по выраженію апостола, къ „иному благовѣствованію“, каковы были, наприм., галаты (Гал. 1, 6—7). Они, значитъ, мало цѣнили авторитетъ апостола и предпочитали ему какого нибудь говоруна, который умѣлъ нести всякій вздоръ. Разумѣется, какъ это печально и оскорбительно для человѣка, всецѣло преданнаго своему дѣлу, какимъ былъ, напримѣръ, Павелъ!

Въ числѣ крупныхъ недостатковъ, характеризующихъ христіанскую общину въ Коринѣ, историкъ долженъ отмѣтить сутяжничество. Сутяжничество это заслуживало осужденія потому уже, что христіане для разсмотрѣнія своихъ процессовъ обращались къ языческимъ властямъ; очевидно, тяжущіеся, подъ вліяніемъ сварливости, позабывали о томъ, какъ неблаговидно для христіанина жаловаться на своего собрата предъ невѣрнымъ, съ которымъ у вѣрующаго не должно бы быть точекъ соприкосновенія. А хуже всего то, что подобныя тяжбы свидѣтельствовали, что христіане жили не согласно съ евангеліемъ. Апостоль Павелъ говоритъ: „и то уже весьма унижительно для васъ, что вы имѣете тяжбы между собою, братъ съ братомъ судится. Для чего бы вамъ, скорбитъ апостоль, лучше не оставаться обиженными? Для чего бы вамъ лучше не терпѣть лишенія?“ (1 Кор. 6, 1—7).

Люди того времени далеки были от того, чтобы не противиться злу, хотя Павелъ и евангеліе стремились къ этому идеалу христіанства.

Другой недостатокъ общественнаго же характера Павелъ усматриваетъ и изобличаетъ въ христіанскихъ жителяхъ Фессалоники. Правиломъ апостольскаго времени былъ трудъ для всѣхъ, Апостоль поставилъ заповѣдь: „кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь“. Заповѣдь эта однакожь не всѣми исполнялась. Нѣкоторые изъ христіанъ оказывались людьми легкомысленными и по выраженію Павла: „ничего не дѣлали, а суетились“, т. е. они дѣлали видъ, что исполняютъ заповѣдь о трудѣ, а въ дѣйствительности лишь бездѣльничали. Такихъ „суетныхъ“ людей апостоль именуетъ „блжчинниками“ (2 Фессал. 3, 10—11).

Обращаемся къ характеристикѣ нравственнаго состоянія первенствующихъ христіанъ — нравственнаго въ строгомъ смыслѣ этого слова, но постараемся быть сколько возможно краткими. Нельзя отрицать, что и въ этомъ отношеніи христіане не стояли на высотѣ своего евангельскаго призванія. Въ доказательство нашихъ словъ приведемъ прежде всего нѣкоторыя мѣста изъ посланія Павла къ Коринѣянамъ. Онъ пишетъ: „вы (т. е. нѣкоторые христіане) сами обижаете и отнимаете (апостоль не говоритъ что именно), и отнимаете притомъ у братьевъ“ (1 Кор. 6, 8 — 9), т. е. у такихъ же христіанъ, и затѣмъ угрожаетъ: „или не знаете, что неправедные царства Божія не наслѣдуютъ?“ Въ посланіи къ тѣмъ же коринѣянамъ тотъ же Павелъ еще пишетъ: „я опасаюсь, чтобы мнѣ не найти васъ такими, какими не желаю, чтобы не найти у васъ раздоровъ, зависти, гнѣва, ссоръ, клеветъ, ябедъ, гордости, беспорядковъ, и чтобы не оплакивать мнѣ многихъ, которые согрѣшили прежде и не покаялись въ нечистотѣ, блудодѣянніи и непотребствѣ,¹ какое дѣлали“ (2 Кор. 12, 20—21). Очевидно, апостоль, хотя точно и не знаетъ, есть ли перечисленные грѣхи и пороки среди коринѣянъ, но не сомнѣвается, что они могутъ быть и вѣроятно бываютъ¹). Что нѣкоторыя нарушенія христіанскихъ

¹) Прот. А. В. Горскій пользуется сейчасъ приведеннымъ мѣстомъ изъ посланія ап. Павла для прямого утвержденія, что „церковь и во времена апостольскія не совсѣмъ была чиста отъ сквернъ міра“ (429).

нравственныхъ правилъ и притомъ важнѣйшихъ въ самомъ дѣлѣ встрѣчались среди коринѳянъ, объ этомъ довольно ясно даетъ понять апостоль, когда говоритъ: „я писалъ вамъ, чтобы вы не сообщались съ тѣмъ, кто, называясь братомъ (христіаниномъ), остается блудникомъ, или лихоимцемъ, или идолослужителемъ, или злорѣчивымъ, или пьяницею, или хищникомъ; съ таковымъ (не слѣдуетъ) даже и вѣсть вмѣстѣ“ (1 Кор. 5, 11).

Такимъ образомъ, какъ видно изъ этихъ словъ Павла, характеризуя жизнь первенствующихъ христіанъ, Толстой едва ли имѣлъ право съ такою безусловною рѣшительностію утверждать, что во всякомъ случаѣ они „не предавались женской прелести“. Извѣстны и частные примѣры несоблюденія заповѣди о цѣломудріи въ разсматриваемое время. Таковъ былъ коринѳскій кровосмѣсникъ, который, впадъ, по словамъ апостола, во грѣхъ, неслышанный даже у язычниковъ. Онъ вступилъ въ преступную связь съ своею мачихою, при чемъ впрочемъ нужно предполагать, въ нѣкоторое извиненіе тяжкаго грѣшника, или то, что отецъ и мачиха его были язычники, или что перваго изъ этихъ лицъ уже не было на свѣтѣ (1 Кор. 5, 1—2). Таковы были Николаиты, названные такъ по имени Николая, одного изъ семи діаконовъ, поставленныхъ апостолами. Они, по указанію Апокалипсиса, „любодѣйствовали“, повидимому отвергали бракъ и замѣняли его мимолетными связями. Николаиты стали синонимомъ плотской распущенности (Апок. 2, 6. 14—15) ¹⁾.

Апостоль Павелъ въ посланіи къ Филиппійцамъ говоритъ: „всѣ (т. е. христіане) ищутъ своего, а не того, что угодно Иисусу Христу“. Положимъ здѣсь апостоль говорить гиперболически: „всѣ“. Мы должны помнить, что въ то время, когда писалось это посланіе, Павелъ былъ подъ стражею въ Римѣ (Дѣян. 28, 30—31) и естественно на многое взиралъ преувеличенно мрачными глазами; но тѣмъ не менѣе, принимая во вниманіе вышеисчисленные нами недостатки религіознаго и общественнаго характера, мы въ правѣ утверждать, что по крайней мѣрѣ нѣкоторые христіане того времени искали не того, что нужно, искали *своихъ се* (2, 21). Въ томъ же посланіи къ Филиппійцамъ апостоль еще говоритъ:

¹⁾ Ср. 2 Петр. 2, 1—2. 10. 13—19.

„многіе, о которыхъ я часто говорилъ, а теперь даже со слезами говорю, поступаютъ, какъ враги креста Христова; они мыслятъ о земномъ“ (3, 18 — 19). Итакъ, по словамъ Павла, „многіе“ изъ христіанъ являлись „врагами креста Христова“. Положимъ это выраженіе „многіе“ не указываетъ на какой нибудь опредѣленный и очень большой % *земная мудрствующихъ*, а указываетъ просто на то, что такихъ было не мало тамъ, гдѣ не должно бы быть ни одного такого; однако выше-приведенные нами историческіе факты, сообщающіе свѣдѣнія о нравственномъ состояніи апостольскаго вѣка, несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что враги креста Христова дѣйствительно существовали; врагомъ же креста надлежитъ признавать всякаго, кто, по выраженію апостола Петра, „идетъ во слѣдъ скверныхъ похотей плоти“ (2 Пет. 2, 10), ибо чрезъ такихъ, по словамъ того же апостола, „путь истины“, т. е. путь креста, „будетъ въ поношеніи“ („похулится“) (—2, 2).

Въ числѣ самыхъ характеристическихъ чертъ жизни первыхъ христіанъ графъ Толстой указываетъ слѣдующее: они „не имѣли имущества, всё считали общимъ“. Человѣкъ, мало знакомый съ исторіей церкви пожалуй подумаетъ, что такъ въ самомъ дѣлѣ и было во времена первохристіанства что христіане безусловно отказались отъ собственности, и что общество послѣдователей новой религіи было коммуною. Конечно, Толстой именно и желаетъ, чтобы довѣрчивые его читатели думали такъ, а не иначе. Вѣдь, ему это очень нужно въ его интересахъ реформатора общества! Но правда ли то, что утверждаетъ онъ? На этотъ разъ намъ не нужно много раздумывать о томъ, на чемъ основываетъ онъ свое утвержденіе. Фактъ, какой онъ имѣетъ въ виду, записанъ въ книгѣ *Дѣяній* и только въ ней. Слѣдуетъ лишь рассмотреть его — и мы увидимъ, что Толстой слишкомъ увлекается и преувеличиваетъ значеніе факта. Разсказъ писателя *Дѣяній* общеизвѣстенъ; но мы не думаемъ, что мы утомимъ ваше вниманіе, если приведемъ его. „У множества увѣровавшихъ было одно сердце и одна душа; и никто ничего изъ имѣнія своего не называлъ своимъ, но все у нихъ было общее. Не было между ними никого нуждающагося; ибо всѣ, которые владѣли землями или домами, продавая ихъ, приносили цѣну проданнаго и полагали къ ногамъ

апостоловъ, и каждому давалось, въ чемъ каждый имѣлъ нужду“ (4, 32 — 35). Мѣсто изъ книги *Дѣяній* поразительное! Но его отнюдь нельзя понимать въ точномъ буквальномъ смыслѣ слова не потому конечно, что такъ понятое оно оправдываетъ Толстого: для насъ никакой не можетъ быть печали въ томъ, что этотъ писатель оказывался бы правъ; но главнымъ образомъ потому, что буквальное пониманіе приведеннаго текста поставить насъ въ великія научныя затрудненія. Разумѣю слѣдующее: во-первыхъ, мы стали бы въ противорѣчіе съ исторіей апостольскаго вѣка, а во вторыхъ—съ самою книгою *Дѣяній*. Въ самомъ дѣлѣ, общеніе имѣній, о которомъ говоритъ эта книга, не находило себѣ подражанія и примѣненія во многочисленныхъ церквахъ, образовавшихся среди язычниковъ, а имѣло мѣсто лишь въ церкви іерусалимской: ни одинъ христіанскій писатель I-го вѣка не упоминаетъ ни объ отреченіи отъ собственности, ни о коммунизмѣ христіанъ изъ язычниковъ; слѣдовательно, явленіе не было всеобщимъ въ тогдашнемъ христіанскомъ мірѣ, а было явленіемъ мѣстнымъ, іерусалимскимъ. Общеніе имѣній существовало, но далеко не у всѣхъ первыхъ христіанъ. А еслибы явленіе было общимъ, то мы должны бы знать, когда же оно кончилось, и когда христіане отъ коммунизма перешли опять къ обычному гражданскому строю: вѣдь, не могло же это произойти совсѣмъ незамѣтно, какъ не могъ оставаться незамѣтнымъ переходъ іерусалимскихъ христіанъ отъ обычнаго строя къ т. н. общенію имѣній. Съ другой стороны, какъ мы замѣтили выше, буквальное пониманіе разбираемаго текста, приводитъ къ самопротиворѣчію самой книги *Дѣяній*. Разъяснимъ эту нашу мысль. Прежде всего обратимъ вниманіе на одинъ рассказъ, помѣщенный писателемъ книги *Дѣяній* непосредственно послѣ разбираемаго текста. Въ рассказѣ говорится: „нѣкоторый мужъ именемъ Ананія, продавъ имѣніе, утаилъ изъ цѣны, а нѣкоторую часть принесъ и положилъ къ ногамъ апостоловъ. Но (апостоль) Петръ сказалъ: Ананія! Для чего ты допустилъ солгать Духу Святому и тайшь изъ цѣны земли? То, чѣмъ ты владѣешь, не остается ли твоимъ, а то, что получилъ ты отъ продажи, не въ твоей ли власти находилось? Ты солгалъ не человѣкамъ, а Богу“ (5, 1 — 4). Изъ словъ Петра, съ которыми онъ обращается къ Ананію,

ясно открывается, что послѣдній не все имущество свое продалъ, потому что первый говоритъ ему: „то, чѣмъ ты владѣешь, не остается ли твоимъ“, и этимъ даетъ знать, что Ананія продалъ только часть своего имѣнія съ цѣлю передать вырученныя деньги въ распоряженіе апостоловъ; и вина Ананія, какъ видно изъ разсказа, заключалась совсѣмъ не въ томъ, что онъ не все имѣніе свое продалъ съ указанною цѣлю, а только въ томъ, что онъ покривилъ душой, не всѣ тѣ деньги, которыя выручены были отъ продажи части имѣнія и которыя онъ рѣшилъ отдать въ распоряженіе апостоловъ, не всѣ эти деньги доставилъ по назначенію. Очевидно, и въ іерусалимской церкви, по свидѣтельству книги „Дѣяній“, не было обязательнаго правила, чтобы вѣрующій непременно отказывался отъ всей своей собственности и отдавалъ ее на общую пользу.—Приведемъ еще другое свидѣтельство книги „Дѣяній“, которое оказалось бы въ прямомъ противорѣчій съ рассматриваемымъ текстомъ той же священной книги, если бы мы этотъ текстъ позволили себѣ понимать буквально. Въ 12 главѣ „Дѣяній“ упоминается о домѣ Маріи, матери евангелиста Марка, находившемся въ Іерусалимѣ (ст. 12),—домѣ, въ которомъ появляется апостолъ Петръ по своему освобожденіи изъ темницы. Значитъ, названная Марія, не смотря на то, что она жила въ Іерусалимѣ и, конечно, знала о существованіи учрежденія, извѣстнаго съ именемъ „общеніе имѣній“, безпрепятственно владѣла домомъ въ св. городѣ; и интересно знать, что при всемъ томъ хозяйка дома и ея домъ пользовались честью со стороны апостоловъ.

Итакъ, „общеніе имѣній“, о которомъ говоритъ Толстой на дѣлѣ заключалось въ слѣдующемъ: всѣ вѣрующіе въ Іерусалимѣ, желавшіе проявить чисто-евангельскую нестяжательность, продавали все или часть своего имѣнія и деньги „полагали къ ногамъ апостоловъ“. Деньги шли на дѣла благотворенія. Но кто не хотѣлъ этого дѣлать, тотъ могъ свободно оставаться собственникомъ своего имущества. Да и такое ограниченное „общеніе имѣній“ имѣло мѣсто только въ Іерусалимѣ, притомъ очень возможно, что и здѣсь оно осуществлялось только на первыхъ порахъ христіанской жизни. Представлятъ же себѣ, что будто всѣ общины христіанскія первыхъ временъ отказались отъ собственности и

жили на началахъ коммунизма, значить превратно представлять жизнь первенствующихъ христіанъ, вопреки непреложнымъ фактамъ.

Такимъ образомъ мы показали, что жизнь первенствующихъ христіанъ, взятую во всей ея совокупности, Толстой рисуетъ въ исключительно свѣтлыхъ чертахъ; и это было бы дѣломъ похвальнымъ, если бы онъ имѣлъ въ виду отмѣтить поучительныя стороны первохристіанской эпохи и чуждыя были тенденціи. Но мы уже говорили и опять повторимъ, что все это сдѣлано Толстымъ лишь затѣмъ, чтобы повѣдать и убѣдить читателя, какъ далеко послѣдующая церковь будто бы удалилась отъ этихъ идеаловъ, обративъ царство благодати въ царство сатаны. Вслѣдствіе этого, похвалы разбираемаго писателя нужно признать дутыми.

Да и напрасно Толстой такъ усиленно старается выставить на первый планъ нравственно - общественныя качества первыхъ христіанъ; за исключеніемъ св. апостоловъ и ихъ сотрудниковъ, прочіе христіане тѣхъ временъ едва ли чѣмъ отличались отъ лучшихъ представителей церкви дальнѣйшихъ вѣковъ. Главное преимущество христіанства первыхъ временъ, точнѣе—апостольскаго вѣка, заключается, какъ справедливо утверждаютъ иногда ¹⁾, въ особой близости членовъ тѣла Христова, вѣрующихъ, къ ихъ Главѣ, самому Господу,—въ такой близости, какой нельзя отыскивать въ позднѣйшей жизни христіанскаго общества. Въ нашу задачу не входитъ разъясненіе: въ чемъ, въ какихъ формахъ выражалась эта близость, потому что намъ еще разъ пришлось бы ради этого побочнаго вопроса пересмотрѣть исторію апостольскаго вѣка, о которомъ мы и безъ того не мало говорили. Укажемъ на одинъ и единственный примѣръ такой чрезвычайной близости. Апостоль Павелъ въ посланіи къ Коринѳянамъ подробно описываетъ установленіе Господомъ таинства евхаристіи и при этомъ замѣчаетъ: „я отъ самого Господа принялъ то, что и вамъ передалъ“ (1 Кор. 11, 23), т. е. исторію установленія вышеозначеннаго таинства. Но спрашивается: какимъ образомъ Павелъ могъ узнать отъ Христа эту исторію, когда онъ не былъ ученикомъ Господа и даже никогда не видалъ Его при жизни Его? Конечно, можно бы

¹⁾ *Прот. А. В. Горскій*. Цитированн. сочиненіе, стр. 404.

утверждать, что Павелъ приобрѣлъ знаніе исторіи жизни и дѣлъ Христовыхъ въ моментъ чудеснаго обращенія Савла въ христіанство; но для такого утвержденія у насъ нѣтъ никакихъ основаній. Остается вѣровать, что Павелъ, по мѣрѣ потребности, получалъ непосредственно отъ Христа откровеніе истинъ историческихъ,—того, что въ послѣдующіе вѣка и донинѣ приобретается путемъ большихъ трудовъ, школьнаго образованія и усидчиваго занятія надъ книгами, приобретается, говорю, да и то не болѣе, какъ *зерцаломъ въ гаданіи* (1 Кор. 13, 12). Но мы не станемъ останавливаться на множествѣ другихъ примѣровъ изъ апостольскаго вѣка въ томъ же родѣ. Довольно и одного.

О такой близости членовъ тѣла Христова къ Своему главѣ—Христу Толстой не упоминаетъ при характеристикѣ перво-христіанства, и это не случайность, а дѣло намѣренное. Онъ полагаетъ сущность Христіанства въ совершенствѣ нравственныхъ его принциповъ и въ практическомъ ихъ осуществленіи. А потому онъ не только равнодушенъ, но и враждебенъ ко всему, что даже лишь напоминаетъ христіанскую догматику. Не даромъ нарисованная имъ картина христіанской жизни первыхъ вѣковъ все же такъ тускла и одно-стороння!

А. Лебедевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).
